

«Кашубы – это не только язык»: лингвистические идеологии кашубской активистской среды

Александр Дмитриевич Васюков,
аспирант факультета антропологии,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Мое исследование посвящено этническому и языковому активизму среди кашубов, славянского миноритарного сообщества на севере Польши. Согласно переписи населения от 2011 г., в стране проживает 233 тыс. кашубов, из которых 108 тыс. сохраняет владение родным языком¹. Доклад представит некоторые результаты моей полевой работы среди кашубов Поморского воеводства, которая ведется на протяжении последних двух лет в рамках кандидатской диссертации о языковом планировании в Кашубии и Верхней Силезии.² Слушателям будут представлены языковые процессы и лингвистическая рефлексия в активистской среде этнической группы, переживающей интенсивный процесс языкового сдвига с середины XX в.

Уже с первых шагов в поле стало понятно, что язык является тем индикатором, который отличает моих информантов-активистов на фоне всего сообщества. Активисты, которые воспринимают себя как «витрину» своих групп, обладают изощренной языковой рефлексией. В целом, эта рефлексия сводится к повышенным требованиям к собственной языковой компетенции. Так, одни мои информанты могли крайне негативно оценивать недостаточный уровень владения языком у своих коллег. Низкий уровень владения языком описывается как «неискренний», «ненастоящий» активизм. Учитывая скромные размеры этнической группы и тесные связи среди активистов, с определенного момента мне практически перестало удаваться скрывать, с кем из них я знаком, встречался или встречусь в ближайшее время. Информанты не стеснялись рассуждать о своих коллегах при мне и, очевидно, обсуждали меня между собой. Один информант, узнав, что вскоре я встречусь с известной кашубкой, попросил меня: *«А ты спроси у нее, почему их отец... такой известный кашубский деятель... не научил своих дочек кашубскому? (м., 54 г., Картузы)»*. Впрочем, позже мне удалось убедиться, что женщина, о которой шла речь, владеет языком превосходно и часто общается на нем в семейном кругу. Но, как видно, само предположение, что этнический активист может не передать язык своим детям, воспринимается с негодованием. Возможно, подобным принижением ее языковой компетентности мой информант пытался также создать контрастное впечатление о собственном высоком уровне владения языком, а значит – повысить свой авторитет и социальный статус. Как отмечает Николас Иванс, такое может происходить в ситуациях языковой смерти, когда знание языка идентифицируется с ритуальным и церемониальным статусом.³

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке Фонда культур народов Сибири (Фюрстенберг/Хафель, Германия).

² Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna ludności Polski. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 2015. – s. 148.

³ Иванс Н. Последний носитель умер – да здравствует последний носитель! // Социоллингвистика и социология языка. Т.1. / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство ЕУ, 2012. – с. 503-504.

Создается впечатление, что человек, недостаточно владеющий кашубским или же просто недостаточно демонстрирующий свое владение языком, не может претендовать на репрезентацию своего сообщества. Интересно, что схожую логику воспроизводят и активисты, признающие, что языком не владеют. Два моих информанта (в южной и северной Кашубии) являются президентами местных ячеек Кашубско-Поморской ассоциации (ЗКР), крупнейшей кашубской региональной организации, и оба рассказывали мне, как долго отказывались возглавить локальные организации из-за незнания языка.

Такой материал дают интервью. Но непосредственное наблюдение позволяет мне заключать, что соотношение между запросом на языковую компетенцию и реальной языковой практикой среди активистов является намного более гибким. Проведя несколько часов на собрании активистов ЗКР в южнокашубском поселке Дземяны, я заметил, что несмотря на состав участников (из шести местных активистов трое были учителями кашубского языка), за вечер не прозвучало ни одного слова по-кашубски.

Несмотря на то, что сообщество переживает процесс активного языкового сдвига, кашубский продолжает восприниматься как главный маркер этничности. Отчасти это объясняется тем, что специфическая языковая практика кашубов сегодня определяет юридический статус всего сообщества (с 2005 г. кашубы признаны языковым региональным сообществом). Можно заметить, что происходит кодирование кашубского как языка групповой солидарности. Описывая в своем исследовании схожий процесс в венгерской общине австрийского Бургенланда, Сьюзен Гэл пишет: «хоть использование миноритарного языка и может казаться делом проигрышным, оно представляет собой энергичный способ утвердить ценность солидарности, противостоящую доминирующей идеологии, что на местном уровне выражается через язык».⁴ По мнению исследовательницы, соответствие социальных и языковых норм локальной сети помогает обрести поддержку этой сети.

В ходе своей работы я не раз замечал, как происходит давление сообщества на своих членов, принуждающее их к выбору этнического языка в активистском окружении. Но несмотря на всю важность языка как элемента этнической саморепрезентации кашубов, можно констатировать, что в дискурсе некоторых активистов происходит заметный дрейф от представлений, что именно язык – признак «истинного кашуба». Смирение с фактом вытеснения родного языка побуждает некоторых из них задуматься о том, что еще нас объединяет, кроме языка? Что может прийти на замену языку, если он окончательно исчезнет?: *«Кашубы – это не только язык. Более того, я думаю, что чем дальше, чем больше времени будет проходить... и мы, кашубы, будем решать, что нас объединяет, может так оказаться, что язык не является аж так важным».* (ж., 31 г., Гданьск)

Кажется, мы наблюдаем то, что на примере каджунов в Луизиане Сильви Дюбуа и Маган Мелансон назвали переходом между разными типами концептуализации этнической группы: от речевой общности к культурной. Для культурной общности владение родным языком еще воспринимается как желательное, но уже не является обязательным.⁵

⁴ Гэл С. Лексические инновации и утраты: использование и роль ограниченного венгерского // Социоллингвистика и социология языка. Т.1. / под ред. Н.Б. Вахтина. СПб.: Издательство ЕУ, 2012. – с. 363.

⁵ Duboi S., Malançon M. Cajun Is Dead - Long Live Cajun: Shifting from a Linguistic to a Cultural Community // Journal of Sociolinguistics. 1997. - Vol. 1. №1. - p. 8.